

Кислицына Анна Николаевна
доктор филологических наук,
заведующий отделом теории
и истории литературы Института
литературоведения имени Янки Купалы
Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларусь
г. Минск, Беларусь

Hanna Kislitsyna
Habilitated Doctor of Philology, Head of the
Department of Theory and History of Literature
at the Institute of Literary Studies
named after Yanka Kupala
Center for Research of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy
of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
hanna.kislitsyna@gmail.com

ТРАГЕДИЯ ЧЕРНОБЫЛЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

THE CHERNOBYL TRAGEDY AND ITS REFLECTION IN LITERATURE

В статье рассматриваются самые значительные произведения белорусской литературы, посвященные проблеме Чернобыльской катастрофы. Отмечается роль поэзии и публицистики как видов искусства быстрого реагирования. Автор обращается к фигуре Алеся Адамовича, писателя и литературоведа, который приложил титанические усилия для того, чтобы последствия катастрофы были ликвидированы как можно скорее. Отмечается актуальность дневниковых наблюдений этого писателя для сегодняшнего дня, его феноменальный вещий дар. Автор делает наблюдение о том, что только в соединении работы представителей различных научных дисциплин могут появиться плоды в решении проблем ликвидации последствий катастрофы. Выделяются главные книги белорусской литературы, которые стали самыми популярными объектами литературоведческих исследований. Затрагивается проблема изменения авторских стратегий в связи с необходимостью осознания последствий аварии. Говорится про новую роль литературы нон-фикшн, которая приобрела актуальность в связи с необходимостью фиксации и документализации событий. Среди тех, чьи книги рассматриваются в статье – С. Алексиевич, И. Шамякин, В. Быков, В. Козько, И. Пташников, А. Кожедуб, Р. Бородулин, М. Метлицкий. Сделаны выводы относительно влияния национальной литературы о Чернобыле на выработку экологического мышления у молодежи.

Ключевые слова: Чернобыль; литература; поэзия; проза; публицистика; нон-фикшн; художественная правда.

The article considers the most significant works of Russian literature on the Chernobyl disaster. The role of poetry and journalism as types of rapid response art is noted. The author refers to the figure of Ales Adamovich, a writer and literary critic who made a titanic effort to eliminate the consequences of the catastrophe as soon as possible. The relevance of this writer's diary observations for today, as well as his phenomenal prophetic gift, are noted. The author observes that only the combined work of representatives of various scientific disciplines can solve the problems of disaster relief. The three main works of Russian literature, which have become the most popular objects of literary studies, are highlighted. The problem of changing the author's strategies due to the need to be aware of the consequences of the accident is touched. The new role of non-fiction literature, which has gained new relevance due to the need to record and document events, is emphasized. S. Aleksievich, I. Shamyakin, V. Bykau, V. Kazko, I. Ptashnikau, A. Kazhadub, R. Baradulin, M. Myatlitsky are among those whose works are considered in the article. The conclusions are drawn regarding the influence of the national literature on Chernobyl on the development of ecological thinking amongst young people.

Key words: Chernobyl; literature; poetry, prose; journalism; non-fiction; artistic truth.

Чернобыльская катастрофа вошла в историю национальной литературы стремительно. Первыми на нее откликнулись поэты и публицисты, что и понятно, ведь именно поэзия и публицистика являются видами искусства, способными на мгновенное и яркое, как молния, реагирование. Первой поэтической реакцией на трагедию стали строки Анатолия Велюгина, Анатолия Гречаникова, Рыгора Бородулина, Пимена Панченко, Миколы Метлицкого, Максима Танка, Дануты Бичель-Загнетовой, Владимира Веремейчика, Олега Лойко, Сергея Законникова, Любы Тарасюк, Аллы Конопелько, Геннадия Буравкина, Евгении Янищц. Позже появятся рассказы, повести, романы, пьесы и многоголосные нон-фикшн произведения, которые будут положены в основу кинематографических полотен. Появятся сборники произведений о Чернобыле к очередным годовщинам, где, кажется, уже все описано – боль и страх первых дней, трудности и последствия переселения сотен тысяч людей, экологические проблемы. Наши писатели никогда не замалчивали народной беды.

Однако следует помнить, что мы должны быть благодарными мастерам слова не только за то, что они осмысливали чернобыльскую трагедию в своих произведениях на художественном уровне, но и в первую очередь за то, что некоторые из них реально и действительно, иногда в ущерб собственной карьере, боролись за жизнь и здоровье каждого белоруса конкретными поступками. И в первую очередь здесь следует упомянуть имя писателя, публициста и литературоведа, доктора филологических наук Алексея Адамовича, который первым в Беларуси поднял атомную проблему еще за пять лет до Чернобыля.

Этот литератор, в то время сотрудник Института литературы имени Янки Купалы, по словам академика Евгения Велихова, «одним из первых в мире реально осознал и оценил масштабы крупнейшей техногенной катастрофы XX века, ее последствия для судеб его родной земли и нашей планеты» [1, с. 3]. Эти слова директора Курчатовского института открывают книгу А. Адамовича «...имя сей звезде Чернобыль» (2006). Невероятно, но писатель и литературовед, казалось бы, далекий от проблем энергетики, задумался об угрозе мирного атома еще в 1981 году, свидетельством чему – записи в книге дневниковых заметок «От не убий человека до не убий человечество». Вообще уровень предвидения глобальной катастрофы у Адамовича просто феноменальный. Его дневниковые записи еще до Чернобыля читаются так, как будто написаны сегодня. Например: «Новый виток по спирали: выживание рода зависит сейчас от “не убей!”, поскольку убить человека и убить человечество – эти понятия опасно сблизились. Как две половинки той самой битвы. На планете нет надписи на каких-то дверях: “Запасной выход”. Некуда будет бежать в случае ядерного пожара» (1985) [1, с. 340].

В записи за тот же год читаем: «...Что может литература? Додумывать до конца и других заставлять. Но что сделала литература, чтобы этот всеобщий процесс осознания риска пришел раньше? Мало сделала, очень

мало. Наука так, врачи, Велихов, Сагдеев и др., а мы – почти ничего. Был принцип: “Не пугайте населения! победим, если страна прикажет! и пр., и пр. И мы молчали”. Какие проблемы нужно решить сегодня, чтобы не опоздать снова? Уже опоздали! Бюрократия. Бюджет. А голос из рядов литературной бюрократии: не чернить, хватит! Что хватит? Где “Баня”, где “Ревизор”, где?..» [1, с. 339].

В том же 1985-м появится адамовичевский «Катехизис ядерного века», который и сегодня звучит остро и актуально, ведь он в первую очередь об ответственности ученых перед человечеством. Позднее – литературное предупреждение «Последняя пастораль» (1986). В 1992 году появится «Апокалипсис по графику», в котором описаны события тех страшных послечернобыльских дней, когда писатель добивался правды о Чернобыле на государственном уровне. Благодаря его обращению к генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с загрязненных территорий уже в первые годы после трагедии были отселены 135 000 человек, которым он если и не спас жизнь, то точно продлил.

Стоит заметить, что и у Адамовича вряд ли бы что-то получилось, если бы у него не было дружеской поддержки, голосов писателей со всего мира. Как известно, Адамович был в дружеских отношениях с Чингизом Айтматовым, одним из тех, кто поднимал экологическую тему в литературе задолго до Чернобыля. Тут стоит заметить, что у белорусов тема экологии в прозе до Чернобыля не поднималась ни разу. Неудивительно, что, стремясь быстро среагировать на глобальную чернобыльскую катастрофу, Адамович обращается к творческому опыту кыргызского писателя. Прежде всего к «Плахе», которую он защищает в «Литературной газете» от 14 декабря 1988 года. Под небольшим редакционным материалом “Чингизу Айтматову – 60», подписанным правлением союза писателей СССР, можно прочитать его суровую статью «Юбилей проблем не отменяет», где Адамович рассуждает о главном таланте Айтматова, задавая вопрос: «Удается ли это: говорить **всю** правду, именно **всю** Чингизу Айтматову? Всегда ли удавалось?» И отвечает на него: «Путь этот проходит и Айтматов, как и многие другие большие писатели, именно ко всей правде. И он скорее решительнее многих других, ему равнозначных. Пример тому – “Плаха”. Такое произведение, появляясь, детонирует оглушительный взрыв правды во всей общественной жизни. Именно это произошло после публикации романа».

К опыту «Плахи» обращается Адамович и в своих рассуждениях о сверхлитературе, термине, придуманном им для того, чтобы обозначить главные тексты XX века, тексты, где писатели реализуют свое право «додумывать до конца», говоря не только о прошлом, но и о будущем человечества.

В дневниковых записях Адамовича за 1986 г., опубликованных в журнале «Неман» (1998), есть несколько записей, посвященных именно «Плахе».

«Айтматов, “Плаха”».

Толстой: Люди воюют, работают, торгуют, но одновременно – это главное – решают вопрос: что добро, а что – зло...

Роман из притч: Христос – Пилат, Авдий – “и торгующие в храме”, Бостон и парторг.

Ну и волки, тоже притча, а точнее, подсветка всему – из недр жизни.

Да, разные времена, люди, условия, но все, как в зеркале, в другой притче: Авдий распятый и Христос, Бостон и они же.

И по Толстому: что зло, что добро. По-разному отвечают разные эпохи, но и однозначно: служение людям – и себялюбие.

Про Бостона-убившего: страшен всем, как был бы страшен воскресший!

Мучило: как написать о ядер[ном] конце. И тут это: гибель, конец света – он погиб (нравственно, все нравственно уже погибло).

Роман-трагедия, вот как выразилась ядер[ная] тема у Айтматова» [2, с. 122–123].

И почти там же, в соседнем абзаце: «Упругий свет, удар волной и вот это. Так, наверное, умирают... Не страшно. Это вас и погубило, что не страшно» [2, с. 122–123]. Это тоже из дневниковых записей, но относится скорее к тому, как видит Адамович собственное произведение о ядерной угрозе, в котором писатель также обращается к произведениям Айтматова, но более ранним, это говорит о том, что диалог великих глубже, чем просто реакция на широко обсуждаемую в то время «Плаху».

В 1987 г., уже через год после катастрофы выходит антиутопия «Последняя пастораль» Адамовича, которую одинаково часто называют и научной фантастикой, и антивоенной притчей. Действие ее происходит на небольшом острове, причем острове скалистом, где есть водопад с пресной водой. В принципе топос повести крайне ограничен – песчаный пляж, тропинка к водопаду и собственно скала. Это удивительно, учитывая равнинный характер белорусской земли, которая, как известно, не имеет выхода к морю, но совершенно естественно, если прочитывать произведение глазами читателя айтматовской повести «Пегий пес, бегущий краем моря». И в одном, и в другом произведении количество персонажей минимально ограничено. Собственно говоря, Адамович прямо говорит, что остров со скалой – это лодка, Ноев ковчег, где собраны последние люди, спасение которых зависит от их нравственного выбора. Обращает на себя внимание и такая деталь: один из двух героев-мужчин – «мореход», профессия для белорусов необычная. Тема воды, описание которой занимает едва ли не четверть повести, в принципе не белорусская тема, т. к. пресная чистая вода – это то, чего в Беларуси вдосталь, но жажды, когда на счету каждая капля пресной воды, очень хорошо прописаны у Айтматова, как и голод, испытуемый героями «Пегого пса». Понимая преемственность этих произведений, становится ясно, почему главная героиня, которая должна стать праодительницей нового человеческого рода, так любит плавать: «Вода – истинная Ее стихия, если кем и была в прошлом, так дельфином» [3, с. 521]. Как не вспомнить женщину-рыбу из «Пегого пса»? Возможно, это было бы не так заметно, если бы не отсутствие морей у белорусов.

Питаются герои «Последней пасторали» практически исключительно рыбой. Это собственно Адам, Ева и Каин (именно так переводит фамилию

Смит с арабского главный герой). Мужчине и женщине автор собственных имен не дает. Каждый этап микроинициации героев сопровождается обретением ими нового имени, особенно это касается героини-женщины. Очевидно, что поиск имен-обозначений для человека и человечества – одна из стратегических философских задач писателя, которую он ставит перед собой в этом произведении.

«– Он называет меня Мария! – вдруг вспомнила, засмеялась.

– Почему – Мария?

– Это тебе было безразлично, кто с тобой. Как ты меня еще не окрестил Матушкой Природой? А что, хорошее для женщины имя!» [3, с. 568].

Между тем, именно так, собственно, и видит, и называет главный герой свою подругу, последнюю женщину земли. «Мать Земля», «Мать-природа» – девственная и невинная, обязанная возродить человечество – такой видится ему она. И тут невозможно не вспомнить айтматовское «Материнское поле». Но если на первых страницах пасторали женщина целиком соответствует этой деиндивидуализированной роли, мечтая о ребенке, который спасет человечество, то в середине произведения, вопреки ожиданиям, ее роль резко меняется. Всевышний – бог, Великий Драматург, смотрящий (для него у автора тоже много имен и функций), посыпает на остров Третьего, Воина, непосредственного участника атомной войны, отравившей все живое радиацией, не способного иметь детей, в которого влюбляется женщина, лишая человечество последнего шанса. По злой иронии вселенной последняя женщина на земле начинает видеть в солдате своего ребенка, а в finale, будучи беременной, умирает от радиации. Если в «Пегом псе» Айтматова именно ребенок остается жив, давая надежду читателям, на благополучный исход их собственной жизни, то в произведении Адамовича – явно в полемическом диалоге с Айтматовым – такой надежды на спасение нет.

«– Он ребенок, хотя с виду... Стесняется, будто мне это важно. Забрала бы в себя и носила, как кенгурунка!

– Я думал, он только меня вытеснил. А этот гад (вот кто истинно гад!), а он – и детей! Кенгурунок! Пристроился! Да вы оба враги человечества! И поступать с вами соответственно! А ты – ты просто Медея! Вот кто ты!

– Пусть, пусть Медея! Да только кому меня судить? Я тебе объяснила бы, если бы ты способен был услышать хоть одно слово. Я и сама этого не знала, не подозревала, как важно – выбрать самой и вообще выбрать. Мне этого не было оставлено. И вдруг!.. Наверно, то же самое, что родить» [3, с. 571].

По Адамовичу получается, что сама Мать-Земля выбрала бесплодие, устав от человеческих конфликтов, войн и техногенных катастроф. Главная героиня, она же мать-природа, объясняет это так: «Я хочу любви и ничего больше. А там пусть будет как будет! Ну нарожали бы еще одно племя таких же. Чем бы кончилось, если не тем же? Так пусть кончится один раз, но любовью. Если бы ты мог знать, что это такое, ты бы меня не упрекал» [Там же, с. 569].

«Последняя пастораль», как и «Материнское поле» – произведения антивоенные, но если в первом речь идет о последствиях гипотетической атомной войны, то во втором – о войне реальной, о прошедшей Второй мировой. Между написанными произведениями – четверть века. Интересно наблюдать, как Адамович, через диалоги своих героев, акцентирует изменение отношения к Матери-земле за это время.

У Айтматова читаем:

«– Ты задала трудный вопрос, Толгонай. Были народы, бесследно исчезнувшие в войнах, были города, сожженные огнем и засыпанные песками, были века, когда я мечтала увидеть след человеческий. И всякий раз, когда люди затевали войны, я говорила им: “Остановитесь, не проливайте кровь!” Я и сейчас повторяю: “Эй, люди за горами, за морями! Эй, люди, живущие на белом свете, что вам нужно – земли? Вот я – земля! Я для всех вас одинакова, вы все для меня равны. Не нужны мне ваши раздоры, мне нужна ваша дружба, ваш труд! Бросьте в борозду одно зерно – и я вам дам сто зерен. Воткните прутик – и я выращу вам чинару. Посадите сад – и я засыплю вас плодами. Разводите скот – и я буду травой. Стройте дома – и я буду стеной. Плодитесь, умножайтесь – я для всех вас буду прекрасным жилищем. Я бесконечна, я безгранична, я глубока и высока, меня для всех вас хватит сполна!” А ты, Толгонай, спрашиваешь, могут ли люди жить без войны. Это не от меня – от вас, от людей, зависит, от вашей воли и разума» [4, с. 332].

У Адамовича все более радикально, так как претензии накопились с обеих сторон: «И мы, оставив в покое друг дружку, общими силами набрасываемся на... матушку природу. Она виновата, она породила, допустила, позволила, даже спровоцировала, да, да, именно так! Ну зачем ей было только припасать для нас каменный уголь да нефть? Как специально. Не будь этих двух планок на лесенке, ни за что не добраться бы до ядерного горючего. Паслись бы мирно среди стогов сена да шустрой паровозиков, гоняемых древесным углем, время от времени кусались бы, но так, насмерть, как получилось, не смогли бы при всей нашей неуемности.

Как это она, мудрая наша матушка, не разглядела, что никакие мы не мирные, не травоядные, что такими только казались или прикидывались поначалу, выпрашивая у любящей родительницы право не попадать под опеку Великого Инстинкта. Мешал он нам, не позволял самопроявляться всласть и сполна, этот самый инстинкт самосохранения вида. А он у матушки природы почему-то товар дефицитный. Вручала его лишь самым забиякам: всяким там волкам-тиграм да гремучим змеям. Этим намордник Великого Инстинкта, конечно, нужен. А зайцу – зачем? А голубю – зачем? Человеку тем более не надо, он такой весь голый, без рогов, без когтей и клыков! Ну укусит собрата мелкими зубами, ну даст подзатыльник – велика трагедия! Не разглядела матушка родительница, какие клыки, какие когти спрятаны под круглой, как крышка реактора, черепной коробкой. Какой взрыв, выброс возможен – страостей, жестокости, ненависти, кровожадности. И именно

к себе подобным. Когтей нет, говорите? А камень зачем, что под рукой? Нет клыков, зато есть палка. Согнуть ее и совсем здорово – получился лук. А если дунуть огнем да через железный “тростник” – кто сильнее, кто дальше? Что, если это да соединить с этим, да еще вот так – что получится?.. До чего же любопытные детки! С собой бы заняться, так нет, каждому другого подавай! Кого бы повернуть, приспособить так, чтобы самому было не просто хорошо, а лучше, чем всем остальным?» [3, с. 532–533]. С осуждением выступает и сама земля, воплощенная в образе женщины, осуждающей убийство своих детей во имя нелепых целей.

Айтматовская традиция – а традиция, как известно, не заимствование, а преодоление и продолжение мысли предшественника – имеет и другие, более явственные формы, а именно введение притч, имеющих библейскую и фольклорную основу. Так, в тексте «Пасторали», которую, как мы уже отмечали, и саму можно назвать научно-фантастической притчей, много эпиграфов. Это и «Сказание о Гильгамеше», и цитаты из Библии, и стихотворения белорусских классиков. Но внутри самого текста используются притчи о Даждь-боге, о многоголовом драконе и о женщинах, деливших ребенка (источник тут не указан, хотя очевидно, откуда автор взял эту притчу, поданную, как повествование главного героя).

Надо сказать, что эта традиция – сопровождать произведения, связанные с чернобыльской темой, притчами и иным фольклорным материалом, берущая начало в произведениях Айтматова, до сих пор жива, что свидетельствует о нестихающем интересе к произведениям великого кыргызского писателя. И все же «Плаха» Айтматова на сегодняшний день остается наиболее близким произведением к творчеству Адамовича, который в своих полемических статьях неоднократно писал об ответственности человечества перед лицом грядущих поколений. Стоит заметить, что писатели не только были знакомы, но и переписывались, о чем свидетельствует письмо Айтматова Адамовичу.

Во времена больших испытаний – прежде всего в произведениях о Первой и Второй мировых войнах – белорусские авторы часто обращались к теме природы, которая служила и поддержкой, и спасением, и источником, из которого черпаются силы для поддержки души. Чернобыльская катастрофа не стала исключением из правила. Очевидное тому свидетельство – повести А. Кожедуба и В. Козько.

В своей повести «Спаси нас и помилуй, черный аист» В. Козько сочетает миф и сказку, реальные события накладываются на фантастические, создавая вязь новых смыслов. Писатель создает специфическое текстопространство, которое живет по своим художественным законам. Природа играет здесь роль не просто пейзажного фона, а становится одним из основных героев. В повести самым радикальным средством борьбы со страхом перед катастрофой предлагается смелость смеха и карнавальное очищение, что, в принципе, является довольно нетипичным для нашей национальной

литературы и для творчества самого писателя. В повести «Дуб» А. Кожедуба описана коварная трагедийность новой действительности, где отравление окружающей среды напрямую связывается с болезнями общества, уничтожающими души тех, кто раньше жил в связке с миром природы. И в одном произведении, и в другом также используется фольклорный материал – притчи, предания, легенды, опять же отсылающие к айтматовской традиции экологической прозы. Вставные фольклорные материалы в данном случае являются маркером, по которому можно определить мировоззренческую позицию писателя, уровень его социального и экологического оптимизма.

В повести «Волчья яма» В. Быкова, друга и соратника А. Адамовича, который и сам внес огромный вклад в дело продвижения правды о Чернобыле, этот маркер отсутствует полностью. Его герои – солдат-дезертир и бомж, волей судьбы оказавшиеся в зоне отселения – живут в лесу, который у белорусов всегда считался местом силы, местом связи с предками. Безымянные – как и у Адамовича – они вынуждены выживать, мучаясь от голода и холода, питаясь лишь лягушками да речной водой. Это произведение о трагической судьбе двух мужчин, которые оказались в смертельной ловушке чернобыльской зоны. Однако, в первую очередь, это произведение – размышление над масштабом чернобыльской трагедии, которая видится писателю в том числе и катастрофой человеческих отношений.

По сути, «Последняя пастораль» А. Адамовича и «Волчья яма» В. Быкова – являются главным литературным достоянием белорусов на тему катастрофы, теми произведениями, которые не обходит вниманием ни один исследователь литературы. И связано это прежде всего с глубокой философичностью произведений, масштабностью авторских обобщений и понятным «прямым» публицистическим языком, который апеллирует не столько к чувствам, сколько к разуму.

По-другому подошли к раскрытию темы последствий катастрофы Иван Пташников и Иван Шамякин, предпочитая не глобальность осознания трагедии, а создание убедительных художественных образов и деталей. Невозможно не упомянуть настоящий шедевр отечественной изящной словесности – пташниковский рассказ «Львы», который надолго запоминается благодаря символичности, которую придал писатель судьбе обычной деревенской собаки Джуки. Этот рассказ, кстати, отличное напоминание о том, что глубина произведения не всегда коррелирует с его размером.

Роман И. Шамякина «Злая звезда» уже своим названием четко очерчивает и избранную тему произведения, и его трагедийный пафос. В центре романа – образ председателя райисполкома, на плечи которого ложится бремя ликвидации последствий аварии. Один его сын – инженер атомной станции, второй – офицер, летчик, который в это неспокойное время отправляется в Афганистан и погибает там. Таким образом семейная трагедия накладывается на общенациональную. Не случайно финал романа трагичен: от пережитых испытаний умирает жена героя. Однако такой финал выглядит

вполне реалистично в свете описанных событий. В повести «Зона повышенной радиации» автор продолжает начатую ранее в романе «Злая звезда» тему Чернобыля. Но теперь его интересуют уже последствия этой катастрофы, а именно то, как социальная трагедия постепенно складывается в личную трагедию человека.

Здесь следует отметить, что Чернобыльская катастрофа повлияла не только на выбор писателями новых тем, образов, героев, общей тональности произведений. Катастрофа во многом изменила писательские стратегии, затронув, например, такую проблему, как выбор жанра. Отметим, что трагедия породила интерес к типу литературы нон-фикшн, или, как ее иначе называют, «непридуманной литературы». Нон-фикшн существовал и раньше, достаточно вспомнить «Я из огненной деревни» Алекса Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника или адамовичских «Карателей». Однако до катастрофы этот тип литературы был скорее маргинальным, а сейчас стал мейнстримом. Здесь стоит упомянуть такие книги, как «Взрыв над Припятью» А. Крыги, «Краснополье в лучах Чернобыля» Л. Лобановского, «Стали воды горькими. Хроники чернобыльской беды» В. Гигевича, «Чернобыльская боль» П. Каменкова, «Память Чернобыля» В. Гацко.

Как уже отмечалось выше, первыми на трагедию Чернобыля откликнулись поэты. Сразу после катастрофы было создано более 300 стихов. Среди поэтов были классики, такие, как П. Панченко, и новички, такие как А. Сыс. Серьезный вклад в тему Чернобыля в белорусской литературе внес и друг А. Адамовича поэт Рыгор Бородулин. Самой яркой его книгой на эту тему можно считать поэтический сборник «Быть! = То Be!». В центре поэтического внимания – герой-переселенец, тот, кого трагедия оторвала от родной земли. Отлично раскрывает тему Чернобыльской трагедии в своей поэзии Микола Метлицкий, который посвятил книгу «Бабчин» родной деревне, отселенной в результате катастрофы. Кстати, он не только сам писал на Чернобыльскую тему, но и был составителем антологий художественных текстов, посвященных этому событию.

Практически к каждой годовщине чернобыльской трагедии выходят коллективные сборники, которые включают в себя прозаические, публицистические, стихотворные и драматические произведения. Написаны тысячи ученических и сотни студенческих работ, посвященных освещению темы Чернобыля в литературе. Если говорить, что конкретно сделали литературоведы для ликвидации последствий Чернобыля, то, очевидно, ответ будет: «Почти ничего». Однако они сделали очень многое для того, чтобы предотвратить новые «чернобыли», воспитав на книгах белорусских писателей новое, более ответственное поколение, для которого экологичность мышления – уже норма. Анализ книг, посвященных катастрофе на ЧАЭС, позволяет сделать вывод, что созданы эти книги не только для молодого поколения, как свидетельство прошлых времен. Они адресованы прежде всего ученым, тем людям, от нравственного выбора которых зависит общее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович, А. М. Имя сей звезде Чернобыль / А. М. Адамович. – Минск : Ковчег, 2006. – 544 с.
2. Адамович, А. Записные книжки разных лет / А. Адамович // Неман. – 1998. – N 11/12. – С. 59–129.
3. Адамович, А. М. Хатынская повесть. Каратели. Последняя пастораль: Повести / А. Адамович. – М. : Советский писатель, 1989. – 640 с.
4. Айтматов, Ч. Т. Материнское поле / Ч. Т. Айтматов / Собрание сочинений : в 3-х т.– М. : Молодая гвардия, 1982. – Т. 1. – 607 с.

Поступила в редакцию 03.06.2025